

УДК 124.6

***СУДЬБА И СЛУЧАЙ. ЦЕНА ПОСТУПКА В ИСТОРИИ РАЗНЫХ КУЛЬТУР.
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ***

Бондаренко Ю.Я.

Обозначенная в названии статьи проблема звучит далеко не впервые. Мировая художественная культура буквально пронизана размышлениями и болями, рождаемыми столкновением человека с тем, что в одночасье переворачивало его жизнь, а то и вело к неминуемой гибели. Но здесь хотелось бы акцентировать внимание не на том, что принято называть несчастными случаями, трагическим стечением обстоятельств, в котором во многих культурах и в самые разные времена виделся перст судьбы: например, в ударе молнии, в гибели от рук врагов и т.д.

В предлагаемой читателю статье внимание акцентируется на социокультурных границах человеческих судеб и на том, какие из этих составляющих судеб оказываются достаточно устойчивыми, а какие – варьируются в различные эпохи либо в различных сосуществующих культурах. Идея этой статьи была навеяна старинной корейской прозой. В целой серии незамысловатых историй XV–XVII вв. мы встречаем рассказы, которые могли бы позабавить, а при более пристальном чтении и

заставить призадуматься, причем не только над тем, что было в прошлом, в Корее, Китае и т.д., но и над тенденциями, наблюдаемыми в нашей собственной культуре, прежде всего, культуре России и Казахстана.

Что же, в контексте данной статьи, оказалось наиболее значимым в классической прозе Кореи? Истории о нелепых, то анекдотически комических, то драматичнейших ситуациях, которые разом переворачивали человеческую жизнь – и не потому, что произошедшее было судьбоносным само по себе, как, например, триумф или разгром на поле боя, а потому, что оно воспринималось таковым именно в контексте соответствующей культуры своего времени.

Вот перед нами гражданский чиновник. По нашим нынешним меркам почти невероятно трудолюбивый и упорный. Больше десяти лет выучивал он по сотне иероглифов в день, повторяя их тысячу раз так, что смог свободно читать и понимать сложнейшие тексты. «В результате он выдержал экзамен по древней китайской литературе. Успешно продвигаясь по

службе, К. ... стал секретарем в школе Конфуция и одновременно занимал должность учителя...». Но «однажды на рассвете у него убежала лошадь. Впопыхах он набросил на голое тело женскую лиловую накидку, нахлобучил на голову ночной чепец своей наложницы и помчался за лошадей. А лошадь прискакала на школьный двор» и все никак не давалась в руки. В таком, мягко говоря, «не специфическом» для чиновника и учителя виде он и предстал перед другими людьми. Об этом узнали все в школе и округе. «... стали всюду о нем рассказывать, рисовать... сделали его посмешищем. И карьера его была испорчена» [1, 61-62]. В другом рассказе история гражданского чиновника, назначенного *чедоком*, или военным начальником провинции. Этот начальник не раз насмеялся над людьми низкого положения. И вот одна хорошенькая певичка взялась проучить его. Пригласила к себе домой. Когда тот разделся, раздался стук в дверь – якобы в дом рвался бывший муж. Незадачливого любовника дама упрятала в сундук. Парочка разыграла спор о разделе имущества, и сундук понесли на суд к губернатору. Когда же было решено справедливости ради разрубить сундук пополам, из него раздался голос, после того как запоры открыли, из сундука выскочил голый человек. И что в итоге? «По приказу губернатора голый чедок, прикрывая обеими руками низ живота и согнув спину, поднялся на возвышение. Сидя на циновке с низко опущенной головой, он выглядел жалким и убитым. Губернатор и служащие вдоволь над ним посмеялись, и только потом губернатор приказал принести ему одежду. Тогда *кисэн* (*женщины низкого звания, певички и танцовщицы – Ю.Б.*), которые всегда ненавидели его, нарочно принесли ему длинное женское платье...». В таком виде он убежал «и в тот же день куда-то скрылся. А в Кенджу его прозвали «чудом в сундуке», и стал он посмешищем всего уезда» [1, 67–72].

Показательно, что приблизительно в то же время, в конце семнадцатого века, уже не в Корее, а на Украине (в Украине) рассказывали историю о Мазепе, будущем гетмане, который в молодости сблизился с супругой одного влиятельнейшего вельможи. В отместку ревнивый муж встретил молодого красавца с отрядом всадников. Мазепу раздели донага и, привязав к коню, пустили на волю. Представший в таком непристойном виде перед селяна-

ми, Мазепа был вынужден покинуть эти места. Правда, судьба его в целом не оказалась перечеркнутой, и позже он стал даже гетманом.

Оплошность во внешнем виде могла стать причиной значительных изменений в жизни и в более позднее время. Так, в семидесятые годы уже двадцатого века молодая сотрудница Кустанайского облисполкома в холодное время года второпях забыла надеть под верхнюю одежду юбку. Обнаружилось это лишь после прихода на работу. От стыда девушка уволилась.

Но не меняется ли ситуация именно в последние десятилетия, причем резко и именно в ряде стран на постсоветском пространстве? Вспомним только гологрудых украинских «протестантш», которые время от времени прорываются на телеэкраны, или апрельское шоу двух костанайских девиц, продефилировавших по городу в одних лишь, даже не трусиках, в стрингах. А «проказы» в зоологическом музее скандально известных «Pussi Riot» («восставшие мохнатки» или «бунт мохнаток»), группы, название которой звучит, как вызов устоявшимся (может быть, устаревшим?) правилам приличия?

Что касается так называемого «современного Запада», на который мы так старательно равняемся, то там публичная нагота не такая уж редкость. То голые пробеги, то «обнаженка» австралийских посетительниц магазинов, то что-то еще подобное. По сообщениям СМИ, одна из представительниц западного полушария умудрилась даже заснять свой самый потаенный орган и увеличенным снимком украсить капот своего авто. Там, где она оказывалась, увеличивалось число автомобильных происшествий – водители других транспортных средств явно отвлекались.

Однако и в прошлом, причем в культурах с очень четко разработанными правилами «пристойного вида», далеко не все было линейно. Наглядный пример, анекдотические истории, рассказывавшиеся о «выдающемся корейском писателе Ли Дже» (1549 – 1587) и Чжон Джадане. Первый мог без приглашения заявиться на чужой праздник, заставляя гостей и хозяев гадать, кто же его пригласил («Ли Дже явился на чужой праздник»). Второй – и того хлеще, раздевшись донага, мог залезть на дерево в саду считавшегося злым министра и рвать там яблоки. Когда же оказался обнару-

женным, не стыдясь ни своей наготы, ни поступка, предстал перед министром и, будучи *сонби* (ученый студент, образованный человек), разыгрывавшим «безумца» (некто вроде шута и образованного юридического?) в годы гонений на ученых, откупился стихами, после чего «министр и гости очень хвалили его, усадили на почетное место [надо думать, уже одетого], угощали вином и всю ночь весело развлекались» [1, 133].

И тем не менее, определенные моменты жизни, случайные оплошности и промахи могли стать трагичными, особенно для женщин. Потеря девичьей чести могла обернуться трагедией всей жизни. Так, Чхи Чхоино безыскусно повествует о том, когда муж спяну обвинил новобрачную в том, что та не девственница, и даже направил королю прошение прогнать ее. К счастью, король усомнился в верности обвинения и послал старую лекарку осмотреть обвиненную. Та же, раздев девушку и осмотрев ее, доложила: «... Золотое девство у нее не нарушено, куриный глазок должным образом цельный...». Король повелел мужу и жене жить вместе. Была ли счастливой их жизнь – читателю неизвестно, да и не это здесь главное. Автор восклицает: «Как хорошо, что Сонме (*король–Ю.Б.*) усомнился в словах придворного и призвал лекарку: семья девушки избежала дурной славы!» [1, 59 - 60]

Но поворот судьбы мог оказаться и куда более драматичным. Рассказ известного государственного деятеля и писателя Лю Моиина (1559 – 1623) «Судьба Чинбок» о горькой участи прелестной девушки, которую обманом заманили в ловушку, она была изнасилована. Хотя насилие было совершено в помещении верховного суда и изнасиловал ее «тамошний служитель», это положение не меняло. «Опозоренная, всеми отвергнутая, она попала в безвыходное положение. Что делать? Ведь нельзя исправить того, что с нею случилось! И Чинби стала кисэн, всю жизнь не имела мужа, скиталась и умерла в нищете». Интересно, что, рассказывая об этой печальной истории, Моиин не морализует, а, наоборот, сожалеет о несправедливости случившегося: «Увы! – восклицает он. – Ведь не всегда же Чинбон была падшей! Как несправедливо, что из-за одной ошибки женщина должна терпеть позор и бедствия всю жизнь. Жестокие нравы, зависть и ложь (ее намеренно завлекли в западню, чтобы она не получила наследство

очень привязавшейся к ней богатой старухи) сделали человека бесконечно несчастным. Разве это не страшно?» [1, 99].

Как бы ни грустил автор рассказа, но подобное отношение к судьбоносной значимости девственности было, а в определенных местах и сейчас распространено у многих народов. Более того, согласно Ветхому Завету, у древних евреев утрата девственности до замужества (если только это не явилось следствием насилия) должна была неминуемо вести к смерти женщины: «А не найдется девства у отроковицы, то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют ее камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовала в доме отца своего...» (Втор., гл. 22).

Сегодня, слава Богу, в так называемых развитых странах за утрату девственности уже не убивают. Но и в самых «передовых» государствах проблема пристойного и непристойного и даже недопустимого остается, причем она связана не только с внешним видом, но и с определенными формами поведения. Так, стоило одному английскому политику нелестно отозваться о некоей даме, как это сразу же отразилось на его положении. Другой французский политик из-за сфабрикованного (как со временем выяснилось) дела о сексуальном домогательстве лишился возможности бороться за пост президента Франции.

Близкими к тому, что принято называть «традиционной» культурой, были и требования, предъявляемые к границам пристойного и в СССР. Конечно, были и пьянство, и драки, и прочее. Но для советского педагога попадание в вытрезвитель могло стоить места работы. Не случайно один из нынешних пенсионеров, поработавший в свое время в милиции, вспоминает, как ему доводилось «вытаскивать» из вытрезвителя попавших туда известных в городе преподавателей тогдашнего Кустанайского пединститута. Если бы не такая поддержка, то и случайное попадание в ситуацию, напоминавшую историю корейского учителя, ловившего коня, могло сломать целую жизнь. В другом случае, когда статный, утонченный преподаватель кустанайского вуза «закрутил роман» с замужней дамой, все кончилось для него печально: он потерял место в пединституте и работал где придется. В третьем случае, молодой преподаватель, обвиненный студенткой в сексуальных притя-

заниях, опять-таки лишился работы в вузе, хотя эти обвинения и могли бы показаться спорными. Бывало, конечно, и иначе, но, тем не менее, число такого рода примеров можно было бы множить и множить, ибо сами установки были сродни тем, что широко распространены в самых различных культурах.

Что же происходит сегодня, когда у нас столько говорится о глобализации и «вхождении в мировую цивилизацию»? Может показаться парадоксальным, но создается впечатление, что в ряде отношений наша и российская культуры, наоборот, отдаляются от некоторых устоявшихся канонов, характерных и для Запада, и для Востока. Скандал с девочками в Куршавеле – не помеха для репутации российского политика. Публичное таскание женщины-парламентария за волосы, скандальность не препятствуют дальнейшему появлению на телеэкранах центрального персонажа скандалов и т.п. Собственно, драки известны в разных парламентах мира, но упомянутые формы поведения могли бы показаться слишком экстравагантными, а то и запредельными в самых разных системах координат бытовой и политической культуры. Так что уж тут говорить о девочках в стрингах, российской группе «Война» и «Pussi Riot», которые, кстати, оказались лишены свободы отнюдь не из-за эпатажного секса в музее? Иными словами, процессы, наблюдаемые в нашей современной культуре, далеко не линейные и требуют самого серьезного анализа как ее специфики, так и причин, эту специфику порождающих.

Что касается специфики, то она неотделима от колоссальных сдвигов в современной жизни и соответственно в системе ценностей. В традиционных культурах нарушение норм поведения и правил приличия было связано с четко определенными факторами. Во-первых, со временем и местом действия. Так, в период карнавалов допускалось то, что сочли бы совершенно непристойным в иное время и в иных обстоятельствах. Как известно, в еще куда более далекой от нас древности существовало нечто подобное. Например, в Древнем Риме был широко популярен праздник, посвященный богу Либеру (сравните со словом либерализм), на котором допускались всякие непристойности. В Элладе нагота была естественной в гимнастических залах и на Олимпийских играх, но на последние обычно женщины

не допускались под страхом самого сурового наказания. Да и на нынешних бразильских карнавалах не у всех их участников наблюдается пристойный, с нашей точки зрения, минимум одежды. Во-вторых, были юродивые, шуты и т.п. – люди особого статуса, точнее, вне устоявшейся иерархии и, соответственно, обычных правил поведения. Но поведение шута было именно поведением шута, а певички и танцовщицы – поведением певички и танцовщицы, но не замужней женщины и матери. В нашей современной культуре, начиная с периода перестройки, границы между различными группами и т.д. начали резко стираться. Ориентиры допустимого в **обыденной жизни** стали колебаться, а то и вовсе исчезать. Так, если даже ректоры творческих вузов рассуждают о том, что ненормативная лексика в произведениях искусства бывает уместна, да и в книгах встретишь ее нередко, то как убедить подростка и современного молодого человека в том, что ненормативная лексика в обычной речи его не украшает? Подобные вопросы встают и при обсуждении внешнего вида. Те же костанайские девушки, что явили свои прелести городу и, как оказалось, Интернету, объяснили свое «поведение тем, что их любимым клипом является клип группы «Никита», солистка которой в обнаженном виде ходит по супермаркету» [2].

Показательно, что уже к 8 мая на Ютубе скандальное зрелище просмотрело свыше ста тысяч человек. И дело тут, наверное, не просто в наготы. «Обнаженка» и секс, равно как и «чернуха», со времен перестройки для нас зрелище довольно обычное, если говорить об экране или стриптиз-шоу. А в чем же? Возможно, в сломе пока еще привычных для нашей культуры эталонов? Ведь на тех же нудистских пляжах купаются и загорают целиком обнаженными – и никаких особых скандалов, ибо делается это в определенных местах.

Вполне возможно, что глубинный психологический анализ покажет, что проблема даже не в конкретном переступании тех или иных норм пристойного, закрепившихся в той или иной культуре, а в самой демонстрации возможности такого переступания, которое в иных обстоятельствах могло бы быть просто немыслимым. При этом именно СМИ делают такие «частности» явлениями публичными, массовыми.

Когда речь идет о «пристойном» виде, пристойных манерах, еще можно спорить, акцентируя внимание на исторической изменчивости самих представлений о пристойности, а уж женские прелести, как бы их ни клеймили те или иные пуритане, если положить руку на сердце, влекут взоры любого мужчины. Но само тиражирование допустимости тех или иных действий рождает и совершенно новые проблемы: например, ощущение возможности совершения уже не экстравагантных поступков, а прямых преступлений. Так, например, где-то поджигают автомобили, в Москве нашелся (или нашлись?) тот, кто проколол шины у тридцати иномарок. Где-то уже не атакуют машины, а стреляют – в школьников, просто случайных прохожих, устраивают взрывы в местах скопления людей, дети издеваются над детьми и снимают издевательства, размещая их в Интернете и т.д.

Все это поднимает острейшие, практически значимые вопросы, связанные с размышлениями над ритмами и скоростью перемен в мире постыдного и пристойного, воз-

можного и даже мысленно недопустимого. Вопросы эти требуют самого широкого обсуждения и конкретных действий – решительных, но основанных на реализме и здравомыслии и изучении опыта тех стран, где, скажем, проблемы чистоты на улицах, как и многие другие, на сегодняшний день решаются гораздо эффективнее, нежели у нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Черепуховый суп. Корейские рассказы XV–XVII веков. – Л.: Художественная литература, 1970.

2 За топлес-дефиле – двое суток. – Наша газета. 24 мая 2012 года. С. 3.

Түйін

Мақалада түрлі мәдениет өкілдері өміріндегі намыссыздық және әдептілік мәселелерінің маңыздылығы қарастырылған.

Conclusion

The article is dedicated to the issue on significance of disgraceful and decorous in the life of different culture representatives.